

ЖИЗНЬ ИИСУСА

Э. РЕНАН

МНОГООБРАЗИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОПЫТА

Эрнест Ренан
Жизнь Иисуса

«Неоглори»

1863

Ренан Э. Ж.

Жизнь Иисуса / Э. Ж. Ренан — «Неоглори», 1863

Книга Э.Ренана «Жизнь Иисуса» посвящена основателю христианства Иисусу Христу. В легкой, доступной широкому читателю художественной форме выдающийся французский историк христианства, талантливый писатель раскрывает внутренний мир Христа, знакомит с широким кругом его последователей и врагов, изображает исторические условия жизни древней Иудеи. Едва ли можно назвать другую книгу, которая оказала бы большее влияние на писателей, художников конца 19-го - начала 20 в., пожелавших познать суть великого учения, чем труд Э.Ренана.

© Ренан Э. Ж., 1863

© Неоглори, 1863

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	13
Глава четвертая	18
Глава пятая	23
Глава шестая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Эрнест Ренан

Жизнь Иисуса

Светлой памяти моей сестры Генриетты, почившей в Библосе 24 сентября 1861 г.

Помнишь ли ты, в лучшем из миров, о долгих днях, проведенных нами в уединении в Газире, когда я писал эти страницы, проникнутые впечатлениями о местах, которые мы вместе посетили? У наших ног расстилались море, деревни, лощины, горы. Ты молча сидела возле меня, перечитывала каждую страницу и переписывала ее тотчас же, едва она была написана. Когда же яркое солнце уступало место бесчисленной армии звезд, ты своими тонкими и осторожными вопросами, своими скромными сомнениями вновь возвращала меня к высокому предмету наших общих дум. Ты мне сказала однажды, что всегда будешь любить эту книгу, во-первых, потому, что она была написана вместе с тобой, а затем потому, что она пришлась тебе по душе. Если ты и боялась узких суждений о ней легкомысленных людей, то ты всегда была уверена, что она в конце концов понравится истинно религиозным людям. И вот во время этих сладких размышлений нас коснулась своим крылом смерть: одновременно мы впали в забвение от болезни, и я пришел в себя уже одиноким. Теперь ты почиваешь в земле Адониса близ священного Библоса и тех святых вод, у которых проливали слезы женщины времен древних мистерий. Открой же мне, мой добрый гений, мне, которого ты так любила, те истины, которые побеждают смерть, рассеивают страх перед нею и дают возможность почти полюбить ее.

Глава первая

Место Иисуса во всемирной истории. – Детство и юность Иисуса. Его первые впечатления

Важнейшим событием всемирной истории является тот переворот, при посредстве которого благороднейшие расы человечества перешли от древних религий, объединенных не совсем определенным термином «языческие», к религии новой, основанной на понятии о единстве божества, троичности и воплощении Сына Божьего. Для осуществления этого перехода потребовалось около тысячи лет; и прошло, по крайней мере, три столетия, пока новая религия сложилась окончательно. Исходной же точкой переворота, о котором здесь идет речь, послужил факт, совершившийся в царствование римских императоров Августа и Тиберия. В это время жил гениальный человек, который своей смелой инициативой, обаянием своей высокой личности создал самый объект и указал исходную точку новой веры человечества.

Иисус родился в Назарете, небольшом городке Галилеи, который до него был совершенно неизвестен. Всю жизнь его звали назарянином, если же впоследствии легенда и произвела его из Вифлеема, то лишь благодаря значительной натяжке. Мы далее увидим, для чего была сделана эта подтасовка и почему она была необходимым следствием приписанной Иисусу роли Мессии. Год рождения его точно не известен. Он родился в царствование Августа, вероятно, около 750 года римского летосчисления, т. е., по-видимому, несколькими годами раньше первого года христианской эры, которая всеми цивилизованными народами принята для счета лет от предполагаемого дня его рождения. Данное ему имя Иисус представляет популярное искажение имени Иешуа, и было одним из обычных; но впоследствии, разумеется, и в нем стали искать таинственный смысл и намек на его призвание Спасителя. Возможно, что и его самого, как всех мистиков, воодушевляла подобная мысль. История знает не один пример, когда имя, данное ребенку без всякой задней мысли, служило поводом для великой исторической миссии. Пламенные натуры ни за что не хотят видеть во всем, касающемся их, простой случай. Вся их судьба уже наперед предопределена Богом; знак высшего промысла они усматривают в самых ничтожных обстоятельствах.

Население Галилеи было весьма разнообразно, что видно из самого названия этой страны. В ней в эпоху Иисуса жило множество неиудеев (финикияне, сирийцы, арабы и даже греки). Обращения в иудейскую веру в стране с таким смешанным населением были нередки. А потому и невозможно возбудить здесь вопроса о расе и разыскивать, какая кровь текла в жилах того, кто сам более всех содействовал искоренению кровных различий в человечестве.

Родом он был простолюдин. Отец его Иосиф и мать Мария принадлежали к среднему классу и были ремесленниками, содержавшими себя трудами рук своих, – положение весьма обыкновенное на Востоке, которое не может назваться ни благосостоянием, ни крайней нуждой. Чрезвычайная простота жизни в этом крае, устраняя потребность в роскоши, как бы уничтожает преимущества богача и обращает всех в добровольных бедняков. С другой стороны, полное отсутствие художественного вкуса и всякого влечения к искусственному украшению материальной жизни придает жилищу людей, которые, собственно, ни в чем не нуждаются, какой-то вид убогости. Если оставить в стороне ту отталкивающую неопрятность, которую принес с собой в Св. Землю ислам, то можно думать, что Назарет эпохи Иисуса представлял почти такую же картину, как теперь. Мы узнаем улицы, на которых он играл ребенком, в этих каменистых, выющихся между хат, дорожках или переулочках. Дом Иосифа имел, конечно, много сходства с теми жалкими лачужками, в которые свет проникает через дверь и которые служат

одновременно мастерской, кухней и спальней; вся обстановка их состоит из циновки, нескольких подушек на полу, двух или трех глиняных горшочков и крашеного сундука.

Семья его – происходила ли она от одного или нескольких браков – была довольно многочисленная. У Иисуса были братья и сестры, из которых он был, по-видимому, старший. Все они остались в неизвестности; ибо те четыре лица, которые выдаются за его родных братьев и между которыми один Иаков получил в первые же годы развития христианства большое значение, были, собственно, двоюродными братьями Иисуса. Дело в том, что у матери Иисусовой, Марии, была сестра по имени тоже Мария, бывшая замужем за неким Алфеем или Клеопой (оба имени, по-видимому, обозначают одно лицо) и имевшая нескольких сыновей, которые играли позже среди учеников Иисуса важную роль. Эти-то двоюродные его братья, отличавшиеся привязанностью к своему юному учителю (его родные братья не веровали в него и даже были ему враждебны), и получили прозвание «братьев Господних». Родные братья Иисуса, равно как и мать его, не имели при жизни его никакого значения и стали популярны уже после его смерти. Но и тогда, по-видимому, они далеко не пользовались тем уважением, как двоюродные братья, которые следовали за Иисусом более самостоятельно и отличались большей оригинальностью характера. Сами имена их забыты до такой степени, что когда евангелист в своем уставе назареев перечисляет братьев Иисусовых по плоти, то ему прежде всего вспоминаются имена сыновей Клеопы.

Иисусовы сестры вышли замуж в Назарет; там же провел и он первые годы своей юности. Назарет был маленьким городком, раскинувшимся в широкой долине, которая значительно расширяется по направлению к вершинам гор, замыкающих с севера плоскогорье Эздрелонское. В настоящее время в нем насчитывается до трех или четырех тысяч жителей, и можно думать, что эта цифра мало изменилась с эпохи Иисусовой. Зимой там довольно холодно и климат вообще здоров. Этот городок, подобно всем еврейским местечкам того времени, был просто группой хижин, выстроенных безо всякого стиля, и представлял, без сомнения, тот общий вид, довольно печальный и бедный, который характерен для всех, вообще, селений в семитических странах. Дома, по-видимому, не слишком отличались от тех сложенных из камня, лишенных всякого украшения маленьких кубиков, какими усеяны по сие время плодотворнейшие части Ливана и которые, однако ж, среди виноградников и фиговых деревьев составляют, тем не менее, довольно приятное впечатление. Окрестности восхитительны; и едва ли найдется в мире местность более располагающая к грезам об абсолютном счастье. Даже в наше время Назарет – прелестный уголок, единственное, может быть, в Палестине место, где путешественник несколько отдыхает от тяжелого чувства, сжимающего его душу среди беспримерной пустыни. Улыбка и привет сияют на лице туземца, вся страна утопает в пышной зелени роскошных садов. Антонин Мученик, живший в конце VI века, набрасывает очаровательную картину окрестностей Назарета, которые он сравнивает с земным раем. Некоторые долины к западу от города вполне оправдывают и ныне его описание. Источник, когда-то служивший центром всей жизни и веселья этого города, теперь уже заглох, его растрескавшиеся водоемы дают лишь мутную воду. Но красота женщин, собирающихся вокруг него и ныне по вечерам, осталась та же; красота эта, которая была замечена еще в VI веке, в которой некоторые видели особый дар Девы-Марии, сохранилась поразительно и донныне. Это сирийский тип во всей его прелести и грации. Без сомнения, некогда и Мария ходила сюда за водой с кувшином на плече и останавливалась зачастую поболтать с землячками, так и умершими в безвестности. Антонин Мученик замечает, что еврейские женщины, в других местах столь неприязненно относящиеся к христианам, здесь, напротив, очень приветливы. Действительно, религиозная нетерпимость и в наше время не столь остра в Назарете, как в других местах Палестины.

Горизонт города тесен; но если подняться на небольшое, всегда освежаемое ветерком, плоскогорье, то перед вашими взорами развернется прелестная картина. С запада высятся живописные группы Кармельских гор, замыкающиеся крутым пиком, который точно готов

опрокинуться в море. Далее виднеется возвышающаяся над городом Магедло, двойная вершина; а там – Сихемские горы со своими святынями, которые восходят древностью ко временам патриархов. Здесь горы Гельбоэ – небольшая живописная группа, с которой связаны то прелестные, то умиленные воспоминания Сулема и Аэндора. Фавор – в своей прекрасно округленной форме, напоминавшей древним женскую грудь; сквозь ущелье между горами Сулемом и Фавором виднеются долина Иорданская и плоскогорье Перейское, образующие вместе одну сплошную линию с восточной стороны. На севере – горы Сафед, постепенно понижаясь к морю, полузаслонили Сен-Жан-д'Акр, а позади них виден как на ладони залив Кайфа. Таков был горизонт, открывавшийся очам Иисуса. Из этой-то волшебной сферы, из этой колыбели Царствия Божия смотрел он на Божий мир в течение многих лет. Даже можно сказать, что во всю жизнь свою он мало выходил из этих пределов, столь ему знакомых с раннего детства. Ибо тут же, с северной стороны, почти можно различить на фоне Гермонских гор Кесарею Филиппинскую, самый отдаленный предел его путешествий в страну язычников; а с южной, позади гор Самаринских, уже не так живописных, вы как будто предчувствуете мрачную Иудею с ее губительной атмосферой абстракции и смерти.

Если когда-либо мир, оставаясь христианским, но глубже постигнув сущность христианских начал, вздумает заменить подлинными святынями ложные и жалкие, к которым прилеплялось благочестие грубых веков, то здесь, на этих высотах Назарета, построит он свой храм. Здесь, на месте первого появления христианства, в самом центре деятельности создателя его, должен бы быть заложен храм, в котором могли бы слиться воедино молитвы всех христиан. Эта земля, скрывающая прах плотника Иосифа и тысяч безвестных, никогда не выходивших за пределы своей долины назарян, – более всякой другой местности располагает философа к созерцанию человеческих дел, к исцелению от оскорблений, наносимых ими нашим самым дорогим чувствам божественной цели, к которой стремится мир через бесчисленные препятствия, не обращая внимания на всяческую суету.

Глава вторая

Воспитание Иисуса

Вот эта-то прекрасная, величественная природа одна и совершила все воспитание Иисуса. Он учился читать и писать, без сомнения, по восточному методу, состоящему в том, что ребенку дают книгу и заставляют повторять ее в такт с товарищами до тех пор, пока он не выучит наизусть. Сомнительно, однако, чтоб он понимал еврейские книги на подлинном их языке. Он приводит иногда тексты из них, но как это видно из сказаний его биографов, на арамейском языке. Принципы его экзегетики, сколько мы можем о них судить по экзегетике его учеников, имели много общего с бывшими тогда в общем ходу и составляющими дух Таргуммима и Мидрашима.

Должность школьного учителя в маленьких еврейских городках исправлял обыкновенно гаццан или чтец синагоги. Более высокие школы книжников или соферимов Иисус посещал мало (быть может, в Назарете такой школы не было), и вообще Он не обладал ни одним из тех знаний, которые в глазах толпы дают право на ученость. Тем не менее, было бы большой ошибкой думать, что он был невежда в обычном для нас смысле этого слова. У нас школьное образование проводит глубокую черту различия в личном достоинстве между получившими и не получившими его. Но не так было на Востоке; не так было, вообще, в доброе старое время. Ныне, при нашей изолированной и чисто индивидуальной жизни, человек, не прошедший школу, отличается некоторой грубостью. Это явление неведомо там, где нравственная культура и общий дух времени передаются путем беспрестанного общения людей между собою. Араб, отроду не ведавший никаких учителей, тем не менее, обнаруживает иногда значительное развитие; его шатер является известного рода открытой академией, где из взаимного общения людей, сведущих и опытных, рождается великое умственное и даже литературное движение. Изящество манер и тонкость ума не имеют на Востоке ничего общего с так называемым у нас воспитанием. Напротив, педантами и неблаговоспитанными здесь как раз и считают люди ученых. В этом общественном строе невежество, которое у нас почти всегда отталкивает человека в низший слой общества, там, наоборот, есть существенное условие великих дел великой оригинальности.

Мало также вероятия, чтоб Иисус знал по-гречески. Этот язык был слабо распространен в Иудее, за исключением правящих классов и населенных язычниками городов, как, например, Кесарея. Обычным языком Иисуса было смешанное с еврейским сирийское наречие, на котором тогда говорила Палестина. Еще менее оснований думать, чтоб он был знаком с греческой культурой. Греческая наука была в большом гонении у палестинских учителей, которые за одно проклинали «того, кто разводит свиней, и того, кто учит сына греческой премудрости». Во всяком случае, эта наука не проникала в такие маленькие городки, как Назарет. Конечно, несмотря на анафему ортодоксов, были в то время и такие иудеи, которые уже восприняли и усвоили себе греческую культуру. Не говоря об иудейской школе Египта, где еще за двести лет перед тем делались попытки к слиянию эллинизма с иудаизмом, один еврей, Николай Дамаский, в эту именно эпоху считался одним из самых замечательных, самых ученых, самых влиятельных людей своего века. Вскоре за тем Иосифу Флавию суждено было представить другой пример еврея, совершенно эллинизированного. Но Николай был евреем разве только по происхождению, а Иосиф заявляет, что он составлял между соотечественниками исключение, и вся иудейская школа Египта, считавшаяся ересью, отделилась от Иерусалима в такой степени, что мы не находим о ней ни малейшего упоминания ни в Талмуде, ни в еврейском предании.

Несомненно лишь одно, что в Иерусалиме греческий язык тогда изучали мало, что греческую науку находили опасной, что занятие ею считалось пристойным для рабов или для суетной прикрасы женщин. Одно лишь изучение Закона считалось почтенным и достойным серьезного мужа. Один ученый раввин на предложенный ему вопрос, когда всего приятнее учить детей «греческой мудрости», отвечал: «в тот день и час, когда нет ни дня, ни ночи; как сказано о законе: изучай его днем и ночью».

Итак, ни прямым, ни косвенным путем ни один элемент эллинской культуры не достиг Иисуса. Вне науки иудаизма он ничего не знал; его ум сохранил ту простодушную наивность, которая всегда ослабляется обширным и многосторонним образованием. Даже в самой сфере иудаизма он остался чужд многих таких стремлений, которые шли почти параллельно с его собственными. Так, ему совершенно не известны были, с одной стороны, аскетизм ессеев и терапевтов, с другой – превосходные теории религиозной философии, созданные иудейской школой Александрии, гениальным представителем которой был в его время Филон. Встречающиеся на каждом шагу черты сходства между ним и Филоном, эти прекрасные изречения о любви к Богу, о человеколюбии, об успокоении в Боге, которые в сочинениях знаменитого александрийского мыслителя звучат отголоском евангелий, легко объясняются одинаковым направлением возвышенных умов, которое обуславливалось господствующим духом времени.

К счастью для него, он столь же мало был знаком и с уродливой схоластикой, которая преподавалась в иерусалимских синагогах и из которой скоро вышел Талмуд. Если, может быть, и случалось некоторым фарисеям заносить ее в Галилею, то он не прислушивался с их проповеди, а когда впоследствии ему пришлось столкнуться с этой пустой казуистикой, то она внушила ему только отвращение. Можно, впрочем, думать, что учение Гиллеля было ему небезызвестно. Гиллель за пятьдесят лет до Иисуса высказывал афоризмы, во многом сходные с Иисусовыми. По своей кротости, своему равнодушию к мирским благам, мягкости характера и по нападкам своим на лицемеров и первосвященников Гиллель был прямым учителем Иисуса, если только можно говорить об учителе у человека столь высоко оригинального.

Гораздо большее влияние имело на него чтение Ветхого Завета. Канонические священные книги распались на две главные части: Закон, т. е. Пятикнижие, и Пророки в том виде, в каком мы знаем их теперь. Обширная аллегорическая экзегетика работала над всеми этими книгами и старалась извлечь из них то, чего в них не было, но что отвечало упованиям данной эпохи. Закон, представлявший не древние постановления страны, а скорее несбыточные утопии, фантастические предписания и благочестивые подделки, относившиеся ко времени царей пиетистов, сделался неисчерпаемым источником для самых хитрых толкований с тех пор, как нация лишилась самостоятельности. Что касается пророчеств и псалмов, то сложилось убеждение, что в этих книгах каждое сколько-нибудь темное таинственное выражение относилось к Мессии, и в нем прежде всего искали тип, который должен был осуществить все национальные надежды. Иисус разделял общее влечение к этим аллегорическим толкованиям, но вместе с тем, и истинная поэзия Библии, которой наивные иерусалимские толкователи совершенно не замечали, была открыта его могучему духу. Закон, по-видимому, не имел в глазах его особенного обаяния; он был убежден, что мог бы и сам дать в этом роде нечто лучшее; но религиозная поэзия псалмов как нельзя более отвечала его мягкой, лирической душе; эти священные песни в течение всей его жизни служили ему духовной пищей и ободрением. Пророки, особенно Исая и его продолжатели в эпоху вавилонского пленения, с их пламенным красноречием, с их грезами о светлом будущем, с их негодующими обличениями, которые смягчались пленительными образами, сделались его истинными наставниками. Он без сомнения читал также многие из апокрифов, тех довольно уже поздних сочинений, авторы которых для придания им авторитета, составлявшего монополию только самых древних писателей, прикрывали свои произведения именем какого-нибудь пророка или патриарха. Одна из этих книг особенно поражала его. Это была книга Даниила, написанная неведомым еврейским энтузиастом времен

Антиоха Елифана и освященная известным именем древнего мудреца, книга эта была как бы эхом Израиля за последнее время. Ее автор, истинный творец философии истории, первый имел смелость взглянуть на историческую эволюцию и на смены царств как на явления, подчиненные судьбам еврейского народа, Иисус был с детства проникнут этим высоким упованием. Возможно, что ему знакомы были также книги Еноха, пользовавшиеся тогда авторитетом наравне со священным писанием, и другие книги в этом же роде, столь сильно возбуждавшие народное воображение. Пришествие Мессии во всей его славе и одновременно столь страшное, народы, низвергающиеся один за другим в бездну, конечное разрушение неба и земли, – все это беспрестанно рисовалось его фантазии; а так как все эти перевороты считались очень близкими, и множество людей высчитывали срок их наступления, то область сверхъестественного, в которой постоянно витали благодаря подобным видениям его мысли, стала казаться ему совершенно натуральной и простой.

Как ложны были его представления о тогдашнем мире, видно на каждом шагу из подлинных его речей. Ему мир представляется еще разделенным на царства, которые ведут между собою войны; он, по-видимому, ничего не знает ни о «римском мире», ни о новом состоянии общества, которым был славен его век. О могуществе Империи он не имел никакого определенного понятия. До него дошло одно только имя «Кесарь». Он видел, как строились в Галилее или ее окрестностях: Тивериада, Иулиада, Диокесарея, Кесарея, пышные сооружения иродов, старавшихся этими великолепными постройками выразить свое восхищение перед римской цивилизацией и свою преданность членам фамилии Августа; ныне, по странному капризу судьбы, искаженные имена этих городов служат названиями ничтожных бедуинских поселков. Он знал, вероятно, что Себасту, создание Ирода Великого, показной город, развалины которого имеют такой вид, точно все эти украшения были привезены сюда совершенно готовыми, и их оставалось только расставить на месте, как декорации. Эта архитектура тщеславия, привезенная в Иудею из заморских стран, эти сотни колонн, все одного диаметра, годные для украшения разве какой-нибудь пошлой «улицы Риволи», – вот что он называл «царствами мира его и всей их славой». Эта роскошь, созданная по заказу, это казенное искусство были ему не по душе. Он гораздо более любил свои галилейские деревни, где беспорядочно перемешивались хижины, хозяйственные постройки, высеченные в скалах, виноградные тиски, колодцы, гробницы, фиговые и масличные сады. Он держался всегда ближе к природе. Царский двор представлялся ему наполненным придворными, разряженными в дорогие, блестящие платья. Милые несообразности, которыми изобилуют его притчи, как только на сцене появляются цари или сильные мира сего, доказывают, что аристократическое общество он представляет себе как деревенский юноша, который смотрит на «свет» сквозь призму своей наивности.

Еще менее знакомо было ему важное завоевание греческой науки, эта основа всякой философии, вполне подтверждаемая всем современным знанием: идея, заключавшаяся в отрицании сверхъестественных сил, которым простодушная вера древнейших времен приписывала управление вселенной. Почти за сто лет до него Лукреций превосходно формулировал идею неизбежности общего закона природы. Отрицание чудес, мысль, что все в мире происходит согласно естественным законам, нарушить которые никакие высшие существа не могут, – эта мысль тогда была уже общим достоянием великих школ во всех странах, познакомившихся с греческой культурой. Быть может, не чужда она была даже Вавилону и Персии. Но об этих завоеваниях науки Иисус ничего не знал. Несмотря на то, что он родился в эпоху, когда уже провозглашен был принцип положительного знания, однако ж, он жил в области сверхъестественного.

Может быть, никогда еще не была в еврейях так сильна жажда к чудесному. Даже Филон, живший в крупном центре тогдашнего интеллектуального мира и получивший очень широкое образование, не чужд самых вздорных и низкопробных суеверий.

Иисус ничем не отличался в этом отношении от своих земляков. Он верил в дьявола, которого считал каким-то гением зла, и вместе со всеми воображал, что нервные болезни являются делом демонов, которые овладевают больным и волнуют его. Чудесное не казалось ему исключением, оно было для него нормальным. Понятие о сверхъестественном и о его невозможности является на свет лишь со дня рождения экспериментального естествознания. Кто не имеет никакого понятия о физике, кто думает, что молитвой можно изменить движение облаков, остановить болезнь и саму смерть, тот не видит в чудесах ничего особенно странного, потому что весь мировой порядок кажется ему зависящим от произвола Божества. Такое умственное состояние было для Иисуса постоянным. Но на его великую душу эти верования производили действие совершенно обратное тому, какое они имеют на рядовых людей. У последних вера в непосредственное вмешательство Божие обыкновенно вызывает простодушное легкоеверие и шарлатанские плутни. У него, напротив, она выражалась в глубоком сознании самых близких отношений человека к Богу и в преувеличенном благодаря этому доверии к могуществу человека – дивная ошибка, таившая в себе источник его силы! Ибо если она и должна была со временем повредить ему в глазах физика и химика, то она давала ему над современниками такую власть, какую не обладал еще ни один смертный ни до, ни после него.

Уже в раннем возрасте обнаружился его оригинальный характер. Легенда с удовольствием повествует о том, как он еще двенадцатилетним отроком восстал против родительской власти и как ради своего призвания не задумался свернуть с проторенного пути. Положительно известно, по крайней мере, то, что родственные отношения имели для него мало значения. В своей семье он, по-видимому, не пользовался любовью, а по временам и сам бывал к ней не слишком нежен. Иисус, как и все люди, преданные исключительно своей идее, ни во что не ставил кровные узы. Единственная связь, которую признают такие натуры между людьми, это идейная связь. «Вот мать моя и братья мои, – говорил он, указывая на своих учеников, – ибо кто будет исполнять волю отца моего небесного, тот мне брат, и сестра, и мать». Простодушная толпа не могла понять этого, и однажды, говорят, какая-то женщина, проходя мимо него, воскликнула: «Блаженно чрево, носившее тебя, и сосцы, тебя питавшие!» – «Блаженны слышащие Слово Божие и соблюдающие его!» – ответил он на это. Скоро в этом смелом отрицании природы он должен был сделать еще шаг вперед; и мы увидим, как он потом отвергнет все земное, узы крови, любовь, отчизну, и не оставит в душе места ничему, кроме идеи, представлявшейся ему в абсолютной форме добра и истины.

Глава третья

Мир идей, в котором развивался Иисус

Как застывшая земля уже не позволяет вскрыть механизм первоначального творения вследствие того, что проникавший ее огонь давно погас, точно так же и самые продуманные объяснения всегда оказываются в чем-нибудь неудовлетворительны, когда дело идет о применении наших скромных методов анализа к переворотам творческих эпох, определивших судьбы человечества.

Иисус жил в один из тех моментов, когда социальная борьба ведется, так сказать, в открытую, когда общественный деятель бросает на карту ставку, увеличенную во сто крат. В эти моменты каждый, взявший на себя ответственную роль, рискует жизнью, ибо подобные движения предполагают такой размах, такое отсутствие всякой предосторожности, которые немислимы без страшного по силе противовеса. Теперь человек рискует немногим, но и выигрывает немного.

Грандиозная мечта в течение многих веков жила в еврейском народе, она и обновляла его всегда в моменты падения. Чуждая теории о личном возмездии, известной в Греции под именем бессмертия души, Иудея всю силу любви и упований сконцентрировала на своем национальном будущем. Она верила, что божественным промыслом ей уготована безграничная слава. Но горькая действительность уже с IX столетия до Р. Х. все более и более сурово напоминала евреям, что царство мира сего еще не отошло в вечность; они все яснее и яснее убеждались в полном крушении всех своих надежд, – и вот, в отчаянии мысль их стремится сочетать самые непримиримые идеи, бросается в область самых экстравагантных фантазий. Еще до вавилонского пленения, когда земному господству Иудеи был нанесен окончательный удар отделением от нее северных колен, родилась мечта о восстановлении дома Давидова, о воссоединении обеих частей народа, о грядущем торжестве теократии и о победе культа Иеговы над языческими религиями. Великий поэт эпохи пленения рисовал в столь дивных красках великолепие будущего Иерусалима, обратившего самые отдаленные народы и острова в своих данников, что можно думать, будто луч света из глаз Иисусовых проник в его душу через расстояние целых шести веков.

Победа Кира казалась некоторое время осуществлением всех этих надежд. Степенные почитатели Авесты с одной стороны, и поклонники Иеговы – с другой, возомнили себя братьями. Персия, изгнав многочисленных «дэвов» и превратив их в демонов («дивов»), кое-как выработала из древних арийских фантазий, по существу своему натуралистических, нечто похожее на монотеизм. Пророческий тон многих учений Ирана имел большое сходство с некоторыми произведениями Осии и Исаяи. Под скипетром Ахеменидов Израиль вздохнул свободнее, а в царствование Ксеркса (Асура Библии) стал страшен для самих иранцев. Но торжествующее и зачастую насильственное вторжение в Азию цивилизации греческой и римской снова повергло его в мечтания. Теперь более чем когда-либо он стал призывать Мессию – судью и мстителя народов. Он жаждал теперь всемирного обновления, переворота, который поколебал бы мир в самых коренных его основах и всколыхнул бы его из конца в конец; лишь этого было достаточно еврею для утоления той страшной жажды мести, которую постоянно разжигало в нем ярмо унижения и сознание своего превосходства.

Лишь только Иисус начал мыслить, как сейчас же вступил в жгучую атмосферу, созданную в Палестине брожением этих идей, которые не преподавались ни в одной школе, но носились в воздухе, и душа юного реформатора уже с раннего возраста прониклась ими. Свойствен-

ные нашему времени колебания и сомнения были ему неведомы. Конечно, Иисус раз двадцать сживал на вершине Назаретской горы, где ни один современный человек не может сидеть, не чувствуя в душе какого-то тревожного раздумья о своей жизни, иногда довольно-таки пустой. Но Иисуса здесь не осаждали никакие сомнения. Свободный от эгоизма, главного источника наших печалей, настойчиво заставляющего нас искать выгоды для нашей добродетели по ту сторону могилы, – он не думал ни о чем, кроме своего великого дела, кроме своего народа и всего человечества. Эти горы, это море, это лазурное небо, эти высокие равнины на горизонте были для него не скорбным признаком, каким они представляются душе, вопрошающей природу о своей участи, нет – для него они были определенным символом, видимым отражением невидимого мира и новых небес.

Политическим событиям своего времени Иисус никогда не придавал большого значения и, вероятно, был с ними мало знаком. Династия Иродов жила в мире, настолько для него чуждом, что он, без сомнения, знал ее только по имени. Ирод Великий умер в самый год рождения Иисуса, оставив после себя неизгладимую память, – монументы, которые своим великолепием должны были принудить даже самое неблагоприятное к нему потомство поставить его имя наряду с Соломоном, которые, тем не менее, остались незаконченными, и закончить которые было невозможно. Этот тщеславный светский человек, запутавшийся в лабиринте религиозных распрей, этот хитрый Идумеянин обладал перед толпой слепых фанатиков теми выгодами, которые дают хладнокровие и ум, не сдерживаемые никаким нравственным чувством. Но его мечта о земном царстве Израиля, если бы она даже и не была анахронизмом при тогдашнем состоянии мира, – точно так же, как и аналогичный проект Соломона, – разбилась бы о препятствия, лежавшие в самом характере нации. Его три сына были не более как римскими наместниками, вроде индийских раджей под владычеством англичан. Антипатр, или Антипа, тетрарх Галилеи и Переи, подданным которого Иисус оставался всю жизнь, был ленивым ничтожеством, любимцем и угодником Тиверия, слишком часто поддававшим дурному влиянию своей второй жены Иродиады. Филипп, тетрарх Гавлонитиды и Васаны, по владениям которого нередко странствовал Иисус, был гораздо более достойным правителем. Что касается Архелая, правителя Иерусалимского, то Иисус не мог его знать. Ему было около десяти лет от роду, когда этот слабый, бесхарактерный, а иногда свирепый человек был смещен Августом. Таким образом, для Иерусалима исчезли последние признаки самостоятельности. Вместе с Самарией и Идумеей Иудея образовала как бы род округа сирийской провинции, где императорским легатом был сенатор и весьма известный консул Публий Сульпиций Квирий. Целый ряд римских прокураторов – Копоний, Марк Амбивий, Анний Руф, Валерий Грат и, наконец, Понтий Пилат (26 год нашей эры), – подчиненных в важнейших вопросах императорскому легату Сирии, сменяются здесь один за другим, пытаясь разрешить все ту же задачу: потушить вулкан, сотрясавшийся под их ногами.

В самом деле, беспрестанные мятежи, возбуждаемые ревнителями Моисеева закона, продолжали возмущать Иерусалим все это время. Мятежникам угрожала неизбежная гибель; но раз дело шло о незыблемости закона, смерть представлялась вожделенной наградой. Низвергнуть римских идолов, разрушить памятники искусства, созданные Иродами иногда с нарушением Моисеевых уставов, поднять мятеж из-за выставленных прокуратором щитов с гербами, надписи на которых представлялись идолопоклонническими – таковы были постоянные усилия фанатиков, дошедших до той степени экзальтации, при которой жизнь теряет всякую ценность. Так, Иуда, сын Сарифея, и Матфей, сын Маргалота, два очень известных законоучителя, образовали партию, смело восставшую против существующего порядка, партию, продолжавшую борьбу и после их казни. Самаритяне были охвачены такими же волнениями. Кажется, никогда еще закон не находил такого множества пламенных поклонников, как в момент, когда уже народился тот, кто явился отменить его всей властью своего гения и своей могучей души. Стали появляться «зелоты» (Канаим) или «сикарии», благочестивые убийцы, вменявшие себе

в обязанность умерщвлять всякого, кто нарушал в глазах их Закон. Благодаря непреодолимой потребности этой эпохи в сверхъестественном и божественном, пользовались общим доверием и представители совершенно иного духа, таума-турги-волхвы, на которых взирали как на каких-то богоподобных существ.

Несравненно большее влияние оказало на Иисуса движение, поднятое Иудой Гавлонитом или Галилеянином. Из всех тягостей, возлагаемых Римом на вновь покоренные страны, самой непопулярной был ценз, или имущественная перепись. Эта мера, которая всегда изумляет народности, не привыкшие к налогам, устанавливаемым центральной властью, была особенно ненавистна евреям. Уже в царствование Давида мы видим, что перепись вызвала резкие осуждения и угрозы со стороны пророков. В самом деле, перепись была основанием налога; а налог, с точки зрения чистой теократии, был почти богопротивным делом. Бог есть единственный господин, которого человек должен признавать, и потому платить подать светскому правителю, значит, некоторым образом ставить его на место Божие. Совершенно чуждая идее государства еврейская теократия из своей исходной точки делала вполне логичные конечные выводы, отвергая гражданское общество и какое бы то ни было правительство. Деньги в общественных кассах считались крадеными. Объявленная в 6 году христианской эры Квиринием перепись дала новый сильный толчок этим идеям и вызвала широкое волнение. Восстание началось в северных провинциях. Некто Иуда из города Гамалы на восточном берегу Тивериадского озера и один фарисей по имени Садок, отвергая законность податей, создали многочисленную партию, которая вскоре подняла открытое восстание. Основными положениями этой школы провозглашалось, что свобода выше жизни и что никого не следует называть «Господом», ибо это имя принадлежит одному только Богу. Без сомнения, Иуда проповедовал не только это, о чем, однако, Иосиф Флавий, старающийся всегда не скомпрометировать репутацию своих единоверцев, намеренно умалчивает; ибо иначе непонятно, почему столь элементарная идея дает ему в глазах еврейского историка место среди философов его нации и почему он оказывается основателем четвертой великой школы, параллельной школам фарисеев, саддукеев и ессеев. Очевидно, Иуда был главой галилейской секты, исповедовавшей мессианство и в конце концов поднявшей политическое движение. Прокуратор Колоний подавил восстание Гавлонита; но школа его уцелела и сохранила своих вождей. Под предводительством сына Иуды, Менахема, и некоего Елеазара, его родственника, она снова принимает деятельное участие в последней борьбе евреев с римлянами. Иисус, быть может, сам видел этого Иуду, столь отлично от него понимавшего еврейскую революцию; во всяком случае, он был знаком с его школой и, быть может, даже протестуя против его заблуждения, он и произнес свой знаменитый афоризм о динарии кесаря. Мудрый Иисус, далекий от всякого мятежа, воспользовался ошибкой своего предшественника и мечтал об ином царстве, ином освобождении.

Чарующая природа способствовала образованию в Галилее монотеизма гораздо менее, если смею так выразиться, терпкого, придававшего всем ее мечтам прелестный, идиллический отпечаток. Трудно представить себе что-нибудь угрюмее смежных с нею окрестностей Иерусалима. Напротив, Галилея, утопающая вся в зелени, в тени, радостно улыбающаяся, – поистине страна Песни песней, страна песнопений Возлюбленного. В марте и апреле поля представляют сплошной ковер цветов, краски которых поражают несравненной свежестью. Туземные животные малорослы и чрезвычайно кротки. Легкие, резвые горлицы, сизые дрозды так воздушны, что под ними не гнется даже трава, хохлатые жаворонки садятся чуть ли не у самых ног путника, маленькие речные черепахи с блестящими кроткими глазами, аисты со стыдливым и важным видом ничуть не пугаются человека и подпускают его так близко, что кажется, словно манят его за собой. Нигде в мире горный пейзаж не ласкает так взора, вызывая в душе человека рой самых возвышенных дум. Иисус, по-видимому, особенно любил горы. Важнейшие события его божественного поприща совершаются на горах; здесь чаще всего снисходит на

него вдохновение, здесь он ведет тайные беседы с древними пророками, здесь же пред учениками совершается и его «преображение».

Эта прелестная страна, благодаря страшному опустошению, произведенному исламом, имеет ныне унылый и печальный вид, и лишь местами, где человеческая рука пощадила ее, она все еще дышит привольем, тишиной и негой. Во времена Иисуса она цвела благосостоянием и весельем. Галилеяне отличались энергией, мужеством, трудолюбием. За исключением одной Тивериады, выстроенной (около 15 года) Антипой в честь Тиверия в римском стиле, больших городов в Галилее не было. Тем не менее, страна была заселена очень густо; покрытая маленькими городками и большими деревнями, она была повсюду тщательно возделана. По развалинам, остаткам ее прежнего блеска, можно судить, что страна эта принадлежала земледельческому народу, не одаренному художественным чутьем, мало заботившемуся о роскоши, совершенно равнодушному к красоте форм и отдавшемуся идеализму. Страна изобиловала свежей водой и плодами; более значительные фермы утопали в тени виноградников и смоковниц; сады почти сплошь состояли из яблонь, ореховых и гранатовых деревьев. Вино было превосходно, если судить по вину нынешних сафедских евреев, и пили его много. Но эта привольная и легкая жизнь отнюдь не сводилась ни к тупому материализму нашего крестьянина, ни к грубому веселью Нормандии, ни к тяжелому шутовству фламандцев. Она одухотворялась эфирными мечтами, своеобразным поэтическим мистицизмом, сливающим небо с землей. Пусть суровый Иоанн Креститель проповедует покаяние в иудейской пустыне, питаюсь саранчой, живя с шакалами, – но чего ради будут поститься сыны Чертога брачного, когда с ними жених? Радость – удел каждого в царствии Божию. И разве она не дитя всех кротких сердцем и чистых помыслами.

Таким образом, вся история возникновения христианства рисуется какой-то идиллией. Мессия на брачном пиршестве; грешница и добродетельный мытарь Закхей на его торжествах – званые гости; основатели царства небесного в виде свадебных поезжан – вот на что дерзнула Галилея, вот что она допускала. Греция в скульптуре и в поэзии оставила миру дивные картины человеческой жизни, но они лишены всегда широкой перспективы, обширных горизонтов. В Галилее не было ни мрамора, ни искусных художников, ни изощренного языка, зато галилейское народное творчество возвысилось до создания величайшего в мире идеала, ибо за этой идиллией чувствуется потрясение судеб человеческих, и озаряющий ее свет есть солнце царствия Божия.

Иисус жил и созревал в этой очаровательной среде. С детства он почти каждый год отправлялся в Иерусалим на праздники. Такие путешествия для провинциальных евреев были торжеством, полным прелестей. Целый ряд псалмов был посвящен восхвалению этих семейных странствований, продолжавшихся несколько дней; паломники пускались в путь весной через горы, холмы и долины, находясь под впечатлением благоговейного страха, внушаемого святыми местами, радости общения с братьями, предвкушая великолепие Иерусалима. Маршрут Иисуса в этих странствованиях был тот же самый, что и ныне, то есть через Гинею и Сихем. От Сихема до Иерусалима дорога труднее, но бодрость духа поддерживается в путнике мыслью о соседстве древних святилищ: Силоамской купели и Вефиля, мимо которых лежит его путь. Последний этап Аин-эль-Харамие, уголок, навевающий на душу грусть и вместе с тем полный очарования; ни с чем нельзя сравнить впечатление, которое испытывает здесь путник, располагаясь на ночлег. Долина узкая и мрачная; черная вода течет из скал с высеченными в них гробницами. Надо думать, что это – та самая «долина плача» или сочащихся вод, воспеваемая как перепутье в чудном 84-м псалме, которую впоследствии обратил в эмблему жизни нежный, печальный мистицизм средних веков. На другой день, рано утром, путники будут в Иерусалиме. Это ожидание еще и теперь ободряет караван. Короткий вечер миновал, и легкий сон смежил очи усталых паломников.

Эти путешествия, способствуя обмену идей всей нации и ежегодно превращая столицу в очаг сильнейшего возбуждения, приводили Иисуса в соприкосновение с душой его народа и, без сомнения, уже довольно рано внушили ему сильнейшее отвращение к тем порокам, которыми отличались официальные представители иудаизма. Иные утверждают, что пустыня была для него второй школой и что будто бы иногда он долго проживал в ней. Но Бог, которого он находил здесь, был не его Бог. Это был, скорее всего, Бог Иова – суровый и грозный, не ведающий ни для кого прощения. Порой сатана пытался здесь искушать его. Тогда он возвращался в свою милую Галилею, и здесь, среди зеленеющих гор и светлых источников, среди хороводов детей и женщин, которые с весельем в душе, с ангельскими песнями в сердце ждали спасения Израиля, находил своего Отца Небесного, полного любви и милости.

Глава четвертая

Первые изречения Иисуса. – Его идеи о Боге-Отце и истинной религии. Первые ученики

Иосиф умер, когда сын его еще не играл никакой общественной роли. Мария осталась, таким образом, главой семьи, и этим-то объясняется, почему Иисуса называли «сыном Марии», в отличие от многих других, носивших то же имя. Есть основание думать, что по смерти мужа, ничем не связанная более с Назаретом, она переселилась в Кану, уроженкой которой, вероятно, и была. Кана – маленький городок в двух или двух с половиной часах пути от Назарета; у подошвы гор, прорезающих с севера равнину Азохис. Вид этой равнины, пересекаемой чрезвычайно живописно Назаретскими горами и Сефоризскими холмами, менее величествен, чем вид Назарета. В этом местечке Иисус, по-видимому, провел некоторое время. Здесь, вероятно, прошла часть его молодости и тут имели место первые его выступления.

Иисус продолжал ремесло своего отца, который был плотником. Это не считалось унижительным для того времени. Еврейский обычай требовал, чтобы человек, посвятивший себя умственному труду, изучил какое-нибудь ремесло. Самые знаменитые ученые были ремесленники. Так, Павел, получивший столь блестящее образование, делал палатки и ковры. Иисус не был женат. Вся сила его любви устремлялась на то, что он считал своим высшим призванием. Чрезвычайно нежное чувство, которое заметно в нем по отношению к женщинам, несколько не отделялось в нем от безграничного самоотвержения, с которым он относился к своей идее. Так же, как и Франциск Ассизский, и Франциск Сальский, он относился как к сестрам к женщинам, которые горели пламенем той же идеи, что и он; он имел и свою св. Клару, и свою Франсуазу Шанталь. Вероятно только, что они любили больше его, чем дело; он был, несомненно, сильнее любим, чем любил сам. Как часто бывает с натурами возвышенными, сердечная нежность обратилась у него в безграничную мягкость, в неопределенную поэтичность, во всеобщую обаятельность.

Конечно, не сразу пришел Иисус к высокому самоутверждению, что он сын Божий. Но вероятно, что отношения его с Богом с первых же шагов представлялись ему отношениями сына с отцом. В этом величайшая его оригинальность: в этом он несколько не принадлежит своей расе. Ни иудей, ни мусульманин не понимали этой прекрасной теологии любви. Бог Иисуса это – не владыка, одаренный силой рока, который убивает нас, осуждает на вечные муки или спасает по своему произволу. Бог Иисуса – наш Отец. Его услышишь, внемля легкому дуновению, которое взывает в нас: «Авва, Отче»! Бог Иисуса – не пристрастный деспот, избравший Израиля своим народом и покровительствующий ему против и вопреки всем. Это – Бог человечества. Иисус не мог быть патриотом, как маккавеи, или теократом, как Иуда Гавлонит. Смело поднявшись над предрассудками своего народа, он утвердил всеобщую отчизну по Богу. Гавлонит говорил, что лучше умереть, чем называть «Господом» кого-либо, кроме Бога; Христос предоставляет это имя всякому, кто захочет им воспользоваться; для Бога же он оставляет более благодное имя. Охотно воздавая внешнее почтение, полное иронии, сильным мира сего, которые для него – лишь представители насилия, он создает высшее утешение, прибежище к Отцу, которое всякий имеет на небе, истинное Царство Божие, которое каждый носит в своем сердце. Название «Царства Божьего» или «Царства Небесного» было любимым выражением Иисуса для обозначения той революции, которую он приносит в мир. Как и все почти мессианские термины, это выражение заимствовано из книги Даниила. По словам автора этой необыкновенной книги, вслед за четырьмя нечестивыми царствами, обреченными на гибель,

придет пятое, вечное царство «святых». Это «Царство Божие на земле», естественно, подало повод к самым различным толкованиям. Для многих это было царство Мессии, или нового Давида; с точки зрения иудейского богословия «Царство Божие» – не что иное, как сам иудаизм, истинная религия, монотеистический культ, благочестие. В последние дни своей жизни сам Иисус, по-видимому, думал, что царство это должно осуществиться материально путем внезапного обновления мира. Но, без сомнения, не такова была его первоначальная мысль. Достойная удивления мораль, которую он черпает из познания Бога-Отца, не есть мораль энтузиастов, которые думают, что мир близок к концу, и, отдаваясь аскетизму, готовятся к химерической катастрофе: это мораль мира, который хочет жить и живет. «Царство Божие среди вас», – говорил он тем, кто усердно старался найти признаки его будущего пришествия. Реальное понимание божественного пришествия было лишь облачком, случайной недолговременной ошибкой, которую смерть заставила забыть. Иисус, создавший истинное Царство Божие, царство смиренных и кротких, – таков Иисус первых светлых, ничем не омраченных дней его жизни, когда голос Отца его находил себе чистейший отзвук в груди его. Было таких несколько месяцев, быть может, год, когда Бог действительно сошел на землю. Голос молодого плотника зазвучал вдруг с необычайной прелестью. Безграничная обаятельность исходила из всего его существа, и те, кто видел его раньше, не узнавали его теперь. У него не было еще учеников, и группа, его окружавшая, не представляла ни секты, ни школы; но здесь чувствовался уже общий дух, нечто проникновенное и обаятельное. Его приветливый характер и, вероятно, обольстительная наружность, какая иногда встречалась в еврейской расе, создавали вокруг него какой-то очаровательный круг, волшебной силы которого не мог преодолеть почти никто из среды этих добродушных и наивных племен.

И рай действительно сошел бы на землю, если бы идеи молодого учителя не слишком, превзошли тот уровень посредственной добродетели, выше которого не мог до сих пор подняться род человеческий. Братство людей, сынов Божиих, и проистекающие отсюда моральные последствия были введены с необычайно тонким чутьем. Как и все раввины того времени, Иисус, мало склонный к последовательным рассуждениям, облакал свое учение в форму кратких, выразительных, иногда загадочных и причудливых афоризмов. Некоторые из этих правил заимствованы из книг Ветхого Завета. Другие принадлежали новейшим ученым, особенно Антигону из Соко, Иисусу – сыну Сирахову и Гиллелю; последние дошли до Иисуса не вследствие его ученых изысканий, но как часто повторяемые пословицы. Синагога была богата правилами, чрезвычайно удачно сформулированными и составлявшими своего рода ходячую литературу пословиц. Иисус усвоил себе почти все это устное учение, вдохнув в него, однако, новый высший смысл. Ставя требования выше обычных правил, определенных законом и древними обычаями, он стремился к совершенству. В этом первом учении заключались в зародыше все добродетели, которые можно по справедливости назвать христианскими лишь в том смысле, что они действительно проповедовались Христом: и кротость, и всепрощение, и милосердие, и самоотречение, и самоуничтожение. Что касается справедливости, то он ограничился повторением уже известной аксиомы: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Но эта старая мудрость, еще в достаточной степени эгоистическая, не удовлетворяла его. Он доходил до крайности:

«Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобой и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду».

«Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя».

«Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас».

«Не судите, да не судимы будете. Прощайте и прощены будете. Будьте милосерды, как и Отец ваш милосерд. Блаженнее давать, нежели принимать».

«Кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится».

Что касается милостыни, благочестия, добрых дел, кротости, миролюбия, полного бескорыстия сердечного, то Иисусу немного пришлось прибавить к учению синагоги. Но он придал его содержанию столько умиленной, благодатной силы, что афоризмы давно известные – сделались как бы новыми. Мораль не исчерпывается принципами более или менее удачно выраженными. Поэзия поучения, внушающая преданность ему, есть нечто большее, чем самое учение, взятое в виде отвлеченной истины. И потому невозможно отрицать, что те же правила имеют иную силу в Евангелии, чем в древнем Законе или в Талмуде. Не древний Закон, не Талмуд покорили и изменили мир. Мораль Евангелия, мало оригинальная сама по себе в том смысле, что всю ее почти целиком можно было бы сложить из правил более древних по своему происхождению, тем не менее, остается высшим творением человеческого духа, прекраснейшим из кодексов совершенной истины, начертанных когда-либо моралистами.

Иисус никогда не восставал против закона Моисеева, но чувствуется ясно, что он считает его недостаточным, – и это обнаруживается из его собственных слов. Он непрестанно повторял, что должно делать больше, чем говорили древние ученые. Он запрещал малейшую грубость, он не допускал развода и клятв, осуждал месть, хулил ростовщичество и находил сладострастное вождение равно преступным, как и прелюбодеяние. Он требовал всеобщего прощения обид. Мысль, на которой он основывал эти правила высшей нравственности, была всегда одна и та же: «... Да будете сынами Отца вашего небесного, ибо он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми... Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный».

Чистое почитание, религия без жрецов и без внешних обрядностей, основанная всецело на чистом сердце, на подражании, на непосредственном общении совести с Отцом небесным – таковы следствия этих правил. Иисус никогда не отступал перед этим смелым выводом, делавшим его истинным революционером в лоне иудаизма. К чему посредники между человеком и его отцом? Бог видит одно сердце; к чему же все эти очищения, все обряды, касающиеся только тела? Само предание, столь священное у иудеев, – ничто в сравнении с чистым чувством. Лицемерие фарисеев, которые, молясь, оборачивали голову, чтобы узнать, видят ли это люди; которые творили милостыню напоказ и накладывали на свои одежды особые знаки, чтобы отличить себя, как людей благочестивых, – все эти кривлянья ложной добродетели вызывали в нем негодование. «Они уже получают награду свою, – говорил он. – У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтоб милостыня твоя была втайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. И когда молишься, не будь как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны. Не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у него».

Сам Иисус не обнаруживал никаких внешних признаков аскетизма, ограничиваясь молитвой или, вернее, размышлением на горах и в уединенных местах, где всегда человек искал Бога. Это высшее понимание отношения человека к Богу, которое и после него могли воспринять лишь очень немногие, – выливалось у него в одну молитву, составленную им из фраз, бывших в ходу у иудеев и до него, и преподанную им своим ученикам.

«Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да придет царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого». В особенности он настаивал на той мысли, что Отец небесный лучше нас знает, что нам нужно, и что просить у него нечто определенное есть почти богохульство.

Здесь Иисус сделал лишь выводы из великих принципов, выставленных иудаизмом уже ранее, которые, однако, официальные классы стремились все больше и больше забыть. Греческая и римская молитва почти всегда носила в себе пятнающие ее черты эгоизма. Никогда языческий жрец не говорил верующему: «Если ты принесешь дар свой к жертвеннику и вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и прежде помирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой». Только иудейские ветхозаветные пророки, особенно Исайя, в своей ненависти к жертвоприношению увидели истинную природу почитания, которым человек обязан Богу. «К чему мне множество жертв ваших? – говорит Господь. – Я пресыщен всесожжениями овнов и туком откормленного скота... Курение отвратительно для Меня... Ваши руки полны крови... Очиститесь. Удалите злые деяния ваши от очей Моих, перестаньте делать зло, научитесь делать добро... тогда придите». В последнее время некоторые из учителей, Симон праведный, Иисус, сын Сирахов, Гиллель почти постигли истинную суть Закона и объявляли, что, выражаясь коротко, она не что иное, как справедливость. В иудейско-египетском мире Филон одновременно с Иисусом пришел к идеям равной моральной высоты и святости и – как следствие этого – не придавал значения установленным обрядностям. Шемайя и Авталион неоднократно высказали себя весьма либеральными толковниками. А вскоре равви Иоханан поставил дела милосердия даже выше изучения Закона. Тем не менее, только Иисус выразил мысль с полной определенностью и силой.

Никто не был в меньшей степени жрецом, чем Иисус, зато никто не был и большим врагом внешних формальностей, задушивших религию под предлогом покровительства ей. В этом отношении мы все – его ученики и последователи; и этим он заложил вечные незыблемые основы истинной религии, и если роль религии в жизни человечества велика, то этим он вполне заслужил титул «Божественного», присвоенный ему. С ним впервые пришла в мир одна идея, абсолютно новая, – идея благопочитания, основанного на чистоте сердца и братстве людей; идея настолько возвышенная, что христианской церкви пришлось впоследствии совершенно изменить мысли своего основателя, и даже в наше время найдется еще немного людей, способных следовать ей.

Тонкое понимание природы давало ему ежеминутно необходимую для речи выразительность образом. Афоризмы его иной раз поражают замечательной меткостью, – тем, что называется у нас остроумием, в других случаях удачное применение ходячих пословиц придает его речи необычайную живость. «Как скажешь брату твоему: дай, я выну сучок из глаза твоего; а вот в твоём глазе бревно? Лицемер, вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего».

Эти поучения, долго таившиеся в душе молодого учителя, собрали теперь вокруг него несколько последователей. Образование небольших церквей было в духе того времени: это был век ессеев и терапевтов. То тут, то там появлялись равви, создававшие каждый свое учение: Шемайя, Авталион, Гиллель, Шаммаи, Иуда Гавлонит, Гамалиил и многие другие, поучения которых наполняют Талмуд. Писалось, собственно, очень мало: еврейские ученые того времени не составляли книг; все излагалось в устных беседах и публичных поучениях, которым старались придать легкую для усвоения форму. Таким образом, не был вовсе исключительным событием тот день, когда молодой плотник из Назарета впервые формулировал перед толпой свои правила, в большинстве уже известные, и которым, однако, суждено было призвать мир к возрождению. Стало просто больше одним учителем (правда, это был самый обаятельный из них), и вокруг него сгруппировалось несколько молодых людей, жаждавших слушать его и стремившихся к неведомому. Для того чтобы преодолеть равнодушие людей и приковать к себе их внимание нужно время. В эту пору еще не было христиан, но истинный христианизм уже родился в свете и, без всякого сомнения, никогда он не был так чист, как в этот именно первый момент своей жизни, и ничего более прочного уже не мог к нему прибавить Иисус. И

больше того: впоследствии он искажил его, ибо всякая идея для своего успеха в мире должна поступиться чем-либо: из жизненной борьбы не выходят без пятен.

Глава пятая

Иоанн Креститель. – Путешествие Иисуса к Иоанну и его пребывание в пустыне Иудейской. – Крещение от Иоанна

Около этого времени появился необыкновенный человек, роль которого за недостатком документов остается для нас отчасти загадочной, но несомненно, что он находился в сношениях с Иисусом. Эти отношения заставили молодого пророка из Назарета отклониться по некоторым вопросам от своего пути, но они же дали ему некоторые детали его будущих религиозных учреждений и, во всяком случае, доставили его ученикам очень сильный авторитет в глазах известного класса еврейского общества.

Около 28 года нашей эры (15-й год царств Тиверия) по всей Палестине распространилась весть о некоем Иоханне или Иоанне, молодом аскете, необыкновенно пылком. Иоанн принадлежал к священническому роду и родился, кажется, в Иутте, близ Хеврона, или в самом Хевроне. Хеврон, город патриархальный по преимуществу, расположенный в двух шагах от иудейской пустыни и в нескольких часах ходьбы от большой Аравийской пустыни, в ту эпоху был тем, чем является еще и теперь: одним из оплотов семитического духа в его самой строгой форме. С детства Иоанн был паси́гом – Назареем Евангелия, т. е. дал обет воздержания. Пустыня, которой он был, так сказать, со всех сторон окружен, привлекала его прежде всего. Он вел там жизнь индийского йога, одетый в шкуры или материю из верблюжьей шерсти, питаясь акридами и диким медом. У него было несколько учеников, разделявших его жизнь и внимавших его суровой проповеди. Можно было подумать, что находишься на берегах Ганга, если бы некоторые своеобразные черты не обнаруживали в этом пустынноике последнего потомка великих пророков Израиля.

С момента, когда еврейским народом овладел особый род отчаяния, выражавшийся в размышлениях о своем мистическом призвании, воображение народа с особенной радостью переносилось к древним пророкам. Однако из всех пророков прошлого, весть о которых, подобно сну тревожной ночи, пробуждала и волновала народ, самым великим был Илия. Этот исполин среди пророков в своем суровом одиночестве на Кармельской горе проводил жизнь среди диких животных и жил в пещерах между скал, откуда, подобно молнии, он появлялся, чтобы возводить и низлагать царей; благодаря последовательным превращениям, он сделался каким-то сверхчеловеческим существом, то видимым, то невидимым, не знавшим смерти. Верили, что Илия явится снова на землю и восстановит величие Израиля. Жизнь пустынноика, которую вел Илия, грозные воспоминания, которые он по себе оставил и под впечатлением которых Восток живет еще и теперь, этот мрачный образ, который и в настоящее время поражает и заставляет трепетать, – вся эта мифология, полная лести и ужасов, сильно действовала на умы и до некоторой степени отмечала своим влиянием все порождения народной фантазии. Всякий, кто хотел приобрести сильное влияние на народ, должен был подражать Илию, и так как отшельническая жизнь была характерной чертой этого человека, то «человека Божьего» представляли себе в образе отшельника. Думали, что у всех святых людей были свои дни покаяния, дни близости к природе и проникновенной суровости. Удаление в пустыню сделалось, таким образом, условием и прологом высокого назначения.

Нет никакого сомнения, что мысль о подражании Илию сильно занимала Иоанна. Жизнь отшельника, столь противоречившая духу древнего еврейского народа, жизнь, с которой обеты назиров и рехабитов не имели ничего общего, – эта жизнь, тем не менее, со всех сторон врывалась в Иудею. Ессеи жили близ страны Иоанна, на берегах Мертвого моря. Воздержание от

мяса, вина, чувственных наслаждений считалось послушничеством, обязательным для мужей откровения. Вождями секты, по мнению верующих, могли быть только отшельники, со своими особыми правилами и уставами, подобно основателям религиозных орденов. Учителя молодых людей были также иногда чем-то вроде анахоретов, весьма похожих на гуру брахманизма. Действительно, не было ли здесь отдаленного влияния индийских мунис? Некоторые из этих буддистов монахов-странников, которые обходили весь свет, как впоследствии первые францисканцы, проповедуя одной лишь назидательностью своей внешности, которые говорили на языке, непонятном для своих слушателей, и которые, без сомнения, были в Сирии и Вавилоне, не посещали ли они также и Иудею? Это остается неизвестным. Вавилон с некоторого времени стал очагом буддизма: Будасп (Бодисатва) считался мудрым халдеем и основателем сабизма. А самый сабизм – что он такое? На это указывает этимология этого слова: баптизм, т. е. религия нескольких крещений. Это первоначальный корень секты, еще существующей и теперь, носящей имя «христиан святого Иоанна», или мандаитов, и называемой арабами «эль-могтозила», т. е. «баптисты». Очень трудно распутать эти неопределенные аналогии. Разнообразные секты, появляющиеся то здесь, то там, в иудаизме, христианстве, баптизме, сабизме, которые мы встречаем по ту сторону Иордана в первые века нашей эры, представляют для критики вследствие спутанности сведений, до нас дошедших, – одну из труднейших задач. Можно думать, во всяком случае, что большинство внешних обрядов Иоанна, ессеев и духовных учителей еврейского народа в это время – явились плодом непосредственного влияния горного Востока. Основной обряд, который определял характер Иоанновой секты и дал этой секте ее имя, этот обряд всегда имел центром своим низменную часть Халдеи, и там создается религия, которая сохранилась до наших дней.

Этот обряд – крещение, или совершение погружения в воду. Омования были уже известны иудеям, как и всем религиям Востока. Ессеи дали этим омованиям особенное распространение. Крещение сделалось обычным обрядом при введении новообращенных в лоно еврейской религии, чем-то вроде посвящения в таинство. Никогда, однако, до нашего крещения этому погружению в воду не придавали ни такого большого значения, ни такой формы. Иоанн сделал ареной своей деятельности ту часть иудейской пустыни, которая граничит с Мертвым морем. В те моменты, когда ему надо было крестить, он отправлялся на берег Иордана, в Вифанию или Вифавару, на восточный берег, вероятно, как раз напротив Иерихона – или же в местность, носившую имя Енон, т. е. «источники», близ Селима, где было много воды. Там он крестил значительные толпы, особенно из колена Иуды, которые стекались к нему сюда. В несколько месяцев он стал, таким образом, одним из самых влиятельных людей Иудеи, и все должны были считаться с ним.

Крещение было, впрочем, для Иоанна только внешним знаком, который должен был произвести впечатление и приготовить умы к какому-то великому движению. Нет сомнения, что он обладал высшей степенью мессианской надежды. «Покайтесь, – говорил он, – ибо приблизилось царство небесное». Он возвещал «великий гнев», т. е. страшные катастрофы, грозящие наступить, говорил, что «уже секира при корне дерева лежит», что скоро оно будет брошено в огонь. Он рисовал своего Мессию с лопатой в руке; он оставляет хорошее зерно и сжигает ость и солому. Покаяние, для которого крещение было символом, милостыня, улучшение нравов – вот важнейшие средства Иоанна для подготовки к близким событиям. Неизвестно, в каком свете он представлял себе эти события. Но с уверенностью можно установить, что он проповедовал с большой силой против тех самых противников, на которых позже напал Иисус: против богатых священников, фарисеев, ученых, – словом, против официального иудаизма и, подобно Иисусу, был особенно чтим и принят среди презираемых классов. Он сводил на нет титул сыновей Авраама и говорил, что Бог мог бы себе их сделать из придорожных камней. Непохоже на то, чтоб он обладал хотя бы в зародыше той великой идеей, которая создала торжество Иисуса, – идеей чистой религии, но он могущественно служил этой идее, поддержи-

вая обряд, лишенный узаконенных церемоний, для совершения которого не надо было присутствия священников, – и этим он несколько напоминал путешественников реформации – средневековых флагеллантов, ибо он отнял у официального духовенства монополию на таинства и отпущение грехов. Основной тон его речей был суров и жесток.

Хотя полем действия Крестителя была Иудея, но слава его быстро проникла в Галилею и дошла до Иисуса, который составил себе уже своими первыми беседами маленький кружок слушателей. Пользуясь еще малым авторитетом и, без сомнения, побуждаемый также желанием увидеть учителя, учение которого имело так много общего с его собственными идеями, Иисус покинул Галилею и отправился со своей маленькой школой к Иоанну. Новые пришельцы были окрещены, как и все. Иоанн принял очень хорошо эту толпу галилейских учеников и не нашел ничего дурного в том, чтоб они остались отличными от его учеников. Оба учителя были молоды, у них было много общих идей, они любили друг друга и соперничали на глазах народа во взаимной предупредительности. Такой факт с первого взгляда поражает в Иоанне Крестителе, и это приводит к тому, что создается сомнение в самом его существовании. Смирение никогда не было чертой сильных еврейских характеров. Казалось бы, что характер столь непреклонный должен был быть до крайности гневным и нетерпимым по отношению ко всякому сопернику или ученику, принимавшему его проповедь лишь наполовину. Но этот способ понимать вещи покоится на ложном представлении о личности Иоанна. Его представляют человеком зрелого возраста, между тем он был одних лет с Иисусом и очень молод по представлениям того времени. В мире идей он был братом, а не отцом Иисуса. Оба молодых энтузиаста, полных тех же надежд и той же ненависти, могли создать общину и взаимно друг друга поддерживать. Верно, что старый человек, видя, что к нему является человек неизвестный и ограждает себя независимостью, – возмущился бы: нет примеров, чтоб глава школы с такой поспешной готовностью принимал того, кто будет его преемником. Но юность способна на всякое самоотречение, и позволительно допустить, что Иоанн, признав в Иисусе ум, аналогичный со своим собственным, принял его без всякой личной задней мысли. Эти хорошие отношения сделались потом исходной точкой целой системы, развитой евангелистами; цель этой системы – дать в качестве первого опорного пункта божественной миссии Иисуса аттестат Иоанна. Так высок был авторитет Иоанна, что, казалось, нельзя найти во всем мире лучшей гарантии, поручительства, чем он. Но далекий от мысли, что Иоанн стоит ниже его, Иисус в течение всего времени, которое он провел близ Иоанна, признавал его выше себя и только робко развивал свой собственный гений.

Действительно, кажется, что, несмотря на свою глубокую оригинальность, Иисус в течение нескольких недель или меньше того был подражателем Иоанна. Его собственный путь еще был окутан мраком перед ним. Хотя Иисус постоянно уступал общему мнению и принимал много вещей, которые не подходили к его направлению или о которых он мало заботился, – только потому, что они были популярны, однако же, подробности никогда не вредили его главной мысли и всегда ей были подчинены. Иоанн завоевал крещению большие симпатии масс, и Иисус счел себя обязанным поступить так же, как Иоанн: он крестил, его ученики также. Без сомнения, они сопровождали этот обряд такой же проповедью, как и Иоанн. Иордан покрылся таким образом на всех концах крестителями, речи которых имели более или менее значительный успех. Ученик сравнился скоро с учителем, и его крещения очень искали. В этом деле существовало соперничество между учениками; последователи Иоанна приходили ему жаловаться на возрастающий успех молодого галилеянина, крещение которого, по их мнению, скоро вытеснит крещение Иоанна.

Оба учителя остались выше этих мелочей. Как утверждает традиция, в школе-то Иоанна и создал Иисус группу самых знаменитых своих учеников. Превосходство Иоанна было слишком неоспоримо, чтобы Иисус, еще мало известный, мог подумать о борьбе с ним. Он только хотел расти в тени его славы и считал себя обязанным, чтоб приобрести расположение толпы,

пользоваться теми же внешними средствами, которые доставили Иоанну такой поразительный успех. Когда он после того, как Иоанн был схвачен, стал крестить снова, первые слова, которые вкладывают ему в уста, представляют собой только повторение одной из обычных фраз Крестителя. Многие другие выражения Иоанна в буквальном виде содержатся в беседах Иисуса. Обе школы, кажется, долго прожили в добром взаимопонимании, и после смерти Иоанна Иисус как товарищ и поверенный был одним из первых извещен об этом событии.

Иоанн был рано остановлен на своем пророческом пути. Подобно древним еврейским пророкам, он в самой высокой степени был борцом против установленных властей. Крайняя резкость, с которой он выражался на их счет, не могла не создать затруднений на его пути. В Иудее Пилат, кажется, не беспокоил Иоанна, но в Пере, по ту сторону Иордана, он вступал уже на земли Антипы. Этого тирана беспокоила политическая закваска, плохо скрытая в проповедях Иоанна. В этих больших скоплениях людей, созданных религиозным и патриотическим энтузиазмом вокруг Крестителя, было нечто внушающее подозрения. Чисто личное неудовольствие присоединилось, впрочем, к этим государственным мотивам и сделало неизбежным гибель сурового судии нравов.

Одним из самых замечательных характеров в трагической семье Иродов – была Иродиада, внучка Ирода Великого. Наглая, честолюбивая, страстная – она питала отвращение к иудаизму и презирала его законы. Она вышла замуж, вероятно, против воли, за своего дядю Ирода, сына Мариамны, которую Ирод Великий лишил наследства, и которая никогда не играла общественной роли. Внешнее положение ее мужа в сравнении с положением членов ее семьи не давало ей покоя; она хотела быть царицей – чего бы это ни стоило. Антипа был орудием, которым она воспользовалась. Этот слабый человек, потеряв голову от любви к ней, обещал ей жениться на ней и развестись со своей первой женой, дочерью Гарета, царя Петры и властителя соседних племен Переи. Аравитянская царица, догадавшись об этом проекте, решила бежать. Скрывая свой план, она притворилась, будто серьезно хочет сделать путешествие в Махерон, страну ее отца, и велела нескольким приближенным Антипы сопровождать себя.

Макур, или Махерон, называлась колоссальная крепость, построенная Александром Иоанеем и потом восстановленная Иродом в одном из самых уединенных оазисов на восток от Мертвого моря. Крепость была как раз на границе царств Гарета и Антипы. В этот момент она была во владении Гарета. Этот последний, предупрежденный дочерью, велел приготовить все для ее бегства, и она, переходя от племени к племени, была приведена в Петру.

Тогда почти кровосмесительный союз Антипы и Иродиады осуществился. Еврейские предписания относительно брака беспрестанно служили почвой для скандальных столкновений между нерелигиозной семьей Иродов и набожно-суровыми евреями. Члены этой многочисленной и резко изолированной династии были доведены до необходимости вступать в брак в пределах своей династии, в результате чего были частые нарушения установленных законом запрещений. Иоанн был только эхом всеобщего чувства, когда энергически осуждал Антипу. Этого было более чем достаточно, чтоб побудить Антипу дать ход своим подозрениям. Он велел схватить Крестителя и отдал приказание заключить его в крепость Махерон, которой он, вероятно, овладел после отъезда дочери Гарета. Более трус, чем тиран, Антипа не хотел предавать Иоанна смерти. Согласно некоторым слухам, он боялся народного возмущения. Согласно другой версии, он будто бы находил удовольствие в речах пленника и будто эти беседы повергали его в большое смущение. Но что можно сказать наверное, так это то, что заключение продолжалось и что Иоанн и в заключении сохранил широкую свободу действий. Он переписывался с учениками, и мы еще увидим его в сношениях с Иисусом. Его вера в пришествие Мессии только укрепилась; он внимательно следил за событиями внешнего мира и старался открыть в них благоприятные указания и подтверждение тем надеждам, которые питали его душу.

Глава шестая

Развитие идей Иисуса о Царствии Божием

До момента ареста Иоанна, который мы относим приблизительно к лету 29 года, Иисус не покидал окрестностей Мертвого моря и Иордана. Удаление в пустыню иудейскую рассматривалось, главным образом, как подготовка великих событий, как какое-то «уединение» перед общественной деятельностью. Иисус наложил на себя этот долг по примеру своих предшественников и провел сорок дней, не видя никого, кроме диких животных, в суровом посте. Воображение учеников сильно было занято этим моментом. Пустыня, по народным верованиям, была жилищем демонов. Трудно найти во всем мире область более удаленную от жизни, чем скалистая покатость, образующая восточный берег Мертвого моря. Существует сказание, что в течение того времени, что Иисус провел в этой ужасной стране, он пережил ужасные испытания, что сатана навел на него ужас своими явлениями или убаюкивал обольстительными обещаниями, и что ангелы потом явились служить ему, чтоб наградить его за победу над искушениями.

Вероятно, уходя из пустыни, Иисус узнал о том, что Иоанн Креститель схвачен. У него не было причин оставаться долее в стране, которая наполовину стала чуждой. Быть может, также он боялся пострадать от тех же суровых преследований, каким подвергся Иоанн, и не хотел бросаться в опасность в такое время, когда при незначительной его известности – смерть его не могла бы служить распространению его идей. Он вернулся в Галилею, свою настоящую родину, созревшим от испытания, почерпнув из своих сношений с великим человеком, совершенно отличным от него, чувство уверенности в собственной своей оригинальности. В общем, влияние Иоанна на Иисуса было более вредно, чем полезно для последнего. Это влияние было остановкой в его развитии; все дает повод думать, что когда он собирался вниз по Иордану, у него были идеи высшие, чем Иоанновы, и что благожелательность, с которой он некоторое время относился к баптизму, была чем-то вроде уступки. Быть может, если бы Креститель, от авторитета которого ему трудно было освободиться, остался на свободе, Иисус не мог бы сбросить иго обрядности и внешних религиозных церемоний, и тогда, без сомнения, он стал бы неизвестным иудейским сектантом, ибо свет не оставил бы одних обрядов для других. Только как религия, совершенно свободная от внешних форм культа, христианство увлекало самые возвышенные умы. Но с заключением в тюрьму Крестителя школа его быстро уменьшилась, и Иисус почувствовал себя предоставленным собственным силам. Единственная вещь, которую он был обязан Иоанну, это искусство проповедовать и вербовать последователей. С этого момента, действительно, он проповедует с большей силой, и авторитет его имеет больший вес в глазах народа.

Кажется также, что его знакомство с Иоанном – скорее в силу естественного хода его собственной мысли, чем вследствие влияния Крестителя, – дало возможность созреть его идеям о «Царствии небесном». С этого времени лозунгом его становится «благая весть» о близости царствия Божия. Иисус уже не является теперь улаждающим сердца моралистом, стремящимся заключить в нескольких живых и кратких афоризмах возвышенное учение; это великий революционер, пытающийся обновить мир до самого его основания и восстановить на земле постигаемый им идеал. «Ждать Царствия Божия» – становится синонимом приверженности к Иисусу. Это слово о «царствии небесном», как мы уже сказали, было издавна в употреблении у евреев. Но Иисус придал ему моральный смысл, общественное значение, которое даже сам автор книги о Данииле в своем апокалипсическом энтузиазме не мог предвидеть. В мире,

каков он есть, царствует зло. Сатана – «князь мира сего», и всё ему повинуется. Цари убивают пророков.

Священники и ученые сами не делают того, что приказывают другим. Праведники преследуются; единственный удел добрых – слезы. «Мир», таким образом, является враждебным Богу с его святыми; но Бог пробудится и отомстит за своих святых. День близится, ибо безнравственность достигла высшей своей точки. Наступает очередь царства добра. Пришествие этого царства добра будет великой и внезапной революцией. Будет казаться, что настал конец мира; так как его современное состояние дурно, то, чтоб представить себе будущее, достаточно представить себе нечто ему противоположное. И первые будут последними. Новый порядок будет управлять человечеством. Теперь добро и зло перемешаны между собой, как пшеница и плевелы в поле; господин дает им расти вместе, но настанет час насильственного раздела. Царствие Божие будет подобно огромному улову невода, который тащит и хорошую, и дурную рыбу; но хорошую опускают в кувшины, а остальную выбрасывают. Зародыш этой великой революции будет сначала не заметен. Он будет подобен горчичному зерну, которое меньше всех семян, но, брошенное в землю, оно превращается в дерево, под листья которого слетаются для отдыха птицы. Или этот зародыш уподобится закваске, которая, будучи положена в тесто, приводит его в брожение. Целый ряд подобных притч, часто весьма темных, должен был выражать всю внезапность этого неожиданного события, кажущаяся несправедливость, которая его будет сопровождать, его неизбежный и окончательный характер. Кто же водворит это Царствие Божие? Вспомним, что первой мыслью Иисуса, мыслью настолько глубокой, что у нее, вероятно, не было определенного источника, и коренилась она в самом существе его природы, было то, что он – Сын Божий, доверенный своего Отца, исполнитель Его желаний. Ответ Иисуса на подобный вопрос отнюдь не мог быть сомнительным. Убеждение в том, что он даст царствие Богу, всецело овладело его душой. Он смотрел на себя, как на всемирного реформатора. Небо, земля, природа, все вместе, безумие, болезнь, являются для него лишь орудиями.

Увлеченный своей героической волей, он считает себя всемогущим. Если земля не поддается этому высшему преобразованию, она будет истерта в порошок, очищена пламенем и дыханием Божьим. Новое небо будет создано тогда, и весь мир будет населен ангелами Божиими.

Коренной переворот, охвативший самую природу – вот основная мысль Иисуса. С этой минуты он, без сомнения, отказался от политики; пример Иуды Гавлонита показал ему бесполезность народных возмущений. Никогда он не думал восставать против римлян и тетрархов. Необузданный анархический принцип Гавлонита не находил себе в нем почвы. Его подчинение установленной власти, в существе своем ироническое, по форме было полным. Он платил подать Кесарю, чтобы не вызвать в нем раздражения. Свобода и право – не от мира сего; зачем смущать и искажать свою жизнь пустыми мелочами? Презирая землю, убежденный, что существующий мир не стоит того, чтобы о нем заботиться, он удалился в свое идеальное царство; он основал учение о высшем презрении, истинное учение о свободе духа, которая только и может дать душевное успокоение. Но он еще не сказал: «Царство мое не от мира сего». Много еще нелепого было в его самых определенных взглядах. Иногда в уме его проносились странные сомнения. В пустыне иудейской сатана предлагает ему царства земные. Не зная сил римской империи, он мог на основании энтузиазма, царившего в Иудее и вылившегося скоро в страшное вооруженное восстание, он мог, говорю, надеяться основать царство при смелости и многочисленности своих приверженцев. Быть может, много раз вставал перед ним вопрос высшего порядка: чем создается Царствие Божие, силой или кротостью, восстанием или терпением? Однажды, говорят, народ в Галилее хотел увлечь его и провозгласить царем. Иисус бежал в горы и оставался там некоторое время один. Его прекрасная натура спасла его от ошибки, которая сделала бы из него агитатора или вождя повстанцев, Февду или Бар-Кохбу.

Революция, которую он хотел совершить, всегда была революцией в области морали; но он еще не дошел до того, чтоб доверить ее осуществление ангелам и звукам последней трубы. Он хотел действовать на людей и через людей самих. Мечтатель, у которого нет другой мысли, кроме идеи близости страшного суда, не употребил бы столько усилий для морального подъема людей и не создал бы самое прекрасное учение практической морали, какое только получало когда-либо человечество. Много колеблющегося осталось еще, без сомнения, в его мысли; его побуждало ко всему делу скорее благодарное чувство, чем установившиеся намерения, и это дело было осуществлено через него, но совсем не таким образом, как он себе представлял.

Действительно, он основал Царствие Божие, я хочу сказать, царство духа, – и если Иисус, взирая с лона своего Отца, видит те плоды, которые принесло его дело в истории человечества, он может по справедливости сказать: «Вот то, чего я хотел». То, что основал Иисус, что осталось от него навеки, – если исключить те несовершенства, которые примешиваются ко всякому делу, осуществляемому человечеством, – это учение о свободе духа. Уже греки имели и высказывали о ней прекрасные мысли. Многие стойки находили средство быть свободными под господством тирана. Но в общем античный мир представлял себе свободу связанной с известными политическими формами; свободными названы Гармодий и Аристокитон, Брут и Кассий. Истинный христианин гораздо менее связан какими бы то ни было цепями; здесь, на земле, он – изгнанник; какое может иметь для него значение преходящий земной владыка, когда земля – не его родина? Свобода для него – это истина. Иисус не знал хорошо истории, чтобы понять, насколько такое учение пришлось кстати тому времени, когда республиканская свобода угасла, а мелкие муниципальные конституции древности задыхались и растворялись в единой римской Империи. Но у него был надежный и чудесный руководитель в лице его удивительного здравого смысла и истинно пророческого инстинкта, раскрывшего ему истинный смысл его миссии. Словами своими: «Воздайте кесарево кесарю, а богами – божие» – он создал нечто далекое от политики, убежище для души среди господства грубой силы. Конечно, такое учение имело свои опасные стороны. Установить в принципе, что для определения законной власти надо смотреть на монету; провозгласить, что совершенный человек платит подать из презрения и нежелания спорить из-за нее, – это значило, по древнему пониманию, разрушать республику и поддерживать властную тиранию. Христианство в этом смысле сильно способствовало ослаблению чувства гражданского долга и подчинению мира абсолютной власти совершившихся фактов. Но, учреждая огромный свободный союз, который в течение трехсот лет сумел избегнуть политики, христианство возместило полностью тот ущерб, который причиняло гражданским добродетелям. Благодаря ему власть государства была ограничена земными делами, дух освобожден или, по крайней мере, грозная пирамида римского всемогущества была разбита навсегда.

Человек, больше занятый общественными обязанностями, всегда не прощает другим того, что они могут ставить что-нибудь выше его партийных идеалов. Он порицает тех, кто подчиняет политические вопросы – общественным, и проповедует по отношению к ним некоторый индифферентизм. Он прав в известном смысле, потому что всякое направление, которое основано на исключении всех остальных, вредно с точки зрения общего руководства человеческими делами. Но каковы успехи партий в создании общей морали человечества? Если бы Иисус вместо основания царства небесного отправился в Рим, занялся бы заговорами против Тиверия или стал бы горевать о Германике, – что было бы с миром? Если бы он стал суровым республиканцем и пламенным патриотом, он не остановил бы великого движения событий своего века, между тем, как, объявив политику неважной, он раскрыл миру ту истину, что родина – это еще не все, что человек стоит впереди и выше гражданина.

Но то, что действительно отличает Иисуса от агитаторов его времени и всех веков вообще, – это его целостный идеализм. Иисус в некоторых отношениях – анархист, так как у него совершенно отсутствует идея гражданского управления. Это управление кажется ему про-

сто-напросто злоупотреблением. Он говорит о нем в выражениях колеблющихся, тоном человека из народа, не имеющего представления о политике. Всякий чиновник кажется ему естественным врагом людей Божьих: он объявляет своим ученикам, что им придется столкнуться с властями, и ни на минуту не допускает мысли о том, что это может быть стыдно. Но никогда в нем не видно искушения занять место богатых и сильных. Он хочет уничтожить богатство и власть, а не овладеть ими. Он предсказывает ученикам муку и преследования, которым они подвергнутся; но ни разу он не останавливается на мысли о вооруженном сопротивлении. Мысль о том, что всемогущество достигается страданием и смирением, что над силой можно восторжествовать благодаря чистоте души, – вот собственно чистая идея Иисуса. Иисус – не спиритуалист; ибо у него все обусловлено осязательной осуществимостью. Но это настоящий идеалист, материя для него – лишь символ идеи, – реальное, живое отражение невидимого.

К кому же обращаться за помощью, чтобы основать Царствие Божие? Иисус никогда не задумывался на этот счет. Все, что есть высокого в понимании людей, все это в глазах Божьих ничто. Основателями Царствия Божия будут самые простые люди. Не богатые, не книжники, не священники – нет: это будут женщины, люди из народа, униженные и дети. Великий признак Мессии – благовествование нищим. Идиллическая, мягкая натура Иисуса берет здесь верх. Огромная социальная революция, где все общественные различия будут перемешаны, где все, что признается значительным в этом мире, будет уничтожено, – вот его мечта. Мир не уверует в него; мир его убьет. Но ученики его будут не от мира сего. Они образуют маленькую группу униженных и простых людей, которая победит своим самоуничижением. Чувство, которое сделало из понятия «мирянин» противоположность понятия «христианин», нашло себе в мыслях самого учителя полное оправдание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.